

О. А. Белобрыкина
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ**

Новосибирск

В последние десятилетия востребованность знаний о психологии человека значительно возросла, что не могло не сказаться на изменении общественного статуса профессии практического психолога. Специальность психолога сегодня входит в десятку самых престижных профессий не только в России, но и во всем мире. Но по сравнению с мировым, особенно западно-американским, опыт непосредственной практической деятельности российских психологов (равно как и психологических служб) сравнительно мал, и поэтому особую актуальность приобретают вопросы качества и содержания деятельности специалистов психологического профиля, в том числе и в период их образовательной подготовки.

В международной практике психологи предоставляют только те услуги, которые соответствуют их квалификации, обеспечиваемой специальным образованием и опытом в данном виде профессиональной деятельности. Так, за рубежом (Америка, Англия, Франция, Германия, Италия), где давно и успешно ведется подготовка практических психологов, принято, что специалистов в этой области готовят на специальных факультетах при университетах из числа лиц с высшим философским и - в исключительных случаях - педагогическим образованием. Выпускники факультета получают только одну из специализаций: психотерапия (психокоррекция), психодиагностика, психологическое консультирование. Именно разделение труда, существующее в западно-американских странах, и последующая глубокая специализация в одной из перечисленных областей позволяют специалисту достичь высокого уровня профессионализма. В связи с этим одним из важнейших требований является признание специалистом границ своей компетентности и ограниченности своего профессионального опыта. С целью повышения профессиональных стандартов и определения показателей степени квалифицированности психологов, за рубежом были приняты законы о лицензиях и аттестации психологов. Аттестация, отмечают зарубежные исследователи (А. Ребер, Р. Солсо, А. Анастаси), обычно указывает на юридическую защиту

названия профессии “психолог”, в то время как лицензирование относится к регулированию психологической практики независимо от того, как называется профессия лица, предоставляющего психологические услуги. Законы о лицензировании, как правило, включают перечень оснований для применения к психологам административных мер воздействия, от штрафов и взысканий до приостановки действия и аннулирования лицензии (Р. Солсо, Х. Джонсон, К. Бил).

Содержательная сторона деятельности специалистов психологического профиля, а также и опыт подготовки практических психологов, в России, по ряду показателей отличны от требований, принятых в мировой практике. Обозначим наиболее очевидные отличия.

Отечественное образование не ориентирует будущего специалиста на тот или иной вид специализации - российские практические психологи умеют все: и консультировать, и диагностировать, и корректировать. Неважно, как они это делают, главное, что их этому научили и они это “умеют”. Оценить же качество предоставляемой психологом услуги нередко оказывается затруднительно, и в первую очередь в связи с отсутствием единого экспертного органа и адекватных различным видам деятельности специалиста критериев. Так называемая экспертиза на местах (районный, городской, областной, региональный уровень) сводится преимущественно к аттестации специалистов, которая не везде и не всегда осуществляется объективно. Оценка деятельности психолога предполагает по преимуществу анализ его достижений по формальным признакам.

При всех прочих условиях, широкая специализация отечественного психолога явление неоднозначное. Положительный аспект заключается в том, что широкая квалификация задает специалисту исходную методологическую позицию. Недостаток же состоит в том, что, даже в совершенстве владея методологическими основами, многие психологи часто оказываются беспомощными в их практической реализации. И наоборот, достигая в психологической практике существенных результатов, не каждый специалист способен к их теоретическому осмыслению и обоснованию. Подобный разрыв между психологами-практиками и психологами-теоретиками, который констатируется многими исследователями (Р. Загайнов, Д. А. Леонтьев, Т. А. Флоренская и др.), возникает, на наш взгляд, в связи с тем, что при подготовке специалистов психологического профиля не “выверены” отношения между методологией и практикой профессиональной деятельности. Другими словами, в обучении не достаточно соотносятся общий и частный подходы.

Психологов сегодня готовят не только в вузах, но и в среднеспециальных учебных заведениях. Причем название специальностей поражает даже самое изысканное воображение: филолог-психолог, педагог-психолог, географ-психолог, биолог-психолог, психолог-логопед и пр. Очевидно, что знания психологии - это богатство,

но им надо уметь распоряжаться, а это уже — область искусства и, соответственно, особого таланта. Еще Б. Г. Юдин серьезно предупреждал о том, что любое знание о человеке — в том числе и психологическое — всегда может стать знанием, опасным для человека. Ведь психология имеет дело с такой тончайшей и уязвимой “материей”, как психика человека, его душа, его “самость”. Даже с дипломом на руках не каждый психолог имеет высокий шанс на успешность в профессиональной деятельности. Опыт показывает, что успех работы психолога зависит не столько от книжной образованности, сколько от практики созидания, в том числе и образования своего внутреннего мира, ориентированного на социокультурные образцы, которые, собственно, и позволяют выстроить систему взаимоотношений специалиста с человеком, нуждающимся в психологической помощи. Именно на этот аспект, как один из показателей истинного профессионализма психолога-практика, указывает Т. А. Флоренская.

Деятельность российского психолога не детерминирована государственными законодательными актами, что снижает меру ответственности специалиста за результаты собственной профессиональной деятельности. А ведь в работе психолога нередко неизбежен риск такого воздействия специалиста на человека, которое либо травмирует психику, либо унижает человеческое достоинство, либо ограничивает его свободу.

Парадокс профессиональной деятельности отечественного психолога заключается в том, что, с одной стороны, его деятельность регулируется преимущественно общепринятыми нормами, рекомендациями психологической науки, моральными принципами и профессиональной этикой, зафиксированными в этическом кодексе. С другой же стороны, профессиональный кодекс психолога представляет собой лишь свод правил, которые написаны, но законодательно не регламентированы. При этом сам кодекс имеет множество редакций (и достаточно дискуссионных), в каждую из которых авторы вносят поправки сообразно собственному взгляду на общественные нормы и правила, и в соответствии с субъективным пониманием общественно-правового статуса профессии психолога. По своему содержанию кодекс чрезвычайно лабилен, поскольку в нем зафиксированы лишь основные аспекты профессионального подхода психолога к заказчику. В целом же он не может считаться законодательным документом, призванным защищать чьи бы то ни было интересы: ни клиент (заказчик), ни сам психолог не могут обратиться к нему с целью найти в нем юридическую опору.

Кроме морально-этического кодекса компетенция специалиста-психолога представлена в соответствующих нормативных актах (должностные инструкции, профессиограмма), но и эти документы предусматривают скорее административную ответственность, нежели собственно законодательно-правовую.

В отечественной психологической практике, и преимущественно в системе дошкольного и школьного образования, тесты становятся основным средством определения специфики личностного развития ребенка. Возможно, это объясняется тем, что любой диагностический инструментарий технологичен и на первый взгляд не требует значительных временных и энергетических затрат. Отсюда и кажущаяся легкость приобретения навыка применения диагностических методов.

Очевидно, что риск получения ложного результата существует всегда, по когда инструмент оказывается в руках недостаточно грамотного и, что хуже всего, безответственного специалиста, риск не просто увеличивается - он часто граничит с фатальным исходом. Еще А. Р. Лурия фокусировал особое внимание на ятрогенных заболеваниях, когда болезнь внушается человеку. Так и любой тест может оказаться ятрогенным, если этим инструментом владеет недобросовестный специалист. “Тест, - справедливо замечает В. П. Зинченко, - это инструмент диалога, а не экзаменационная ведомость”. Если к тому же учесть, что в нашей стране отсутствует какой бы то ни было контроль над “диагностическим беспределом” (распространена открытая публикация в массовом масштабе диагностических методик, многие из которых без специальной проверки на соответствие психометрическим требованиям не просто “перекочевывают” из издания в издание, а еще и обрастают множеством недопустимых дополнений, включая полиграфические ошибки, компиляции, а нередко и авторскую нечистоплотность), то подбор адекватных методик и объективная оценка конечных результатов становятся весьма затруднительными даже для высокопрофессионального психолога. При этом ни один из вариантов отечественного морально-этического кодекса не предусматривает ответственное™ пользователя за применение “инвалидных” (по определению В. П. Зинченко) методик для постановки психологического диагноза.

Эмпирический опыт также свидетельствует о том, что часто практические психологи, получившие не академическое образование, по существу, оказываются не готовы к реализации исследовательского аспекта, не менее значимого в профессиональной деятельности специалиста данного профиля. Но достаточно затруднены оказываются и теоретические позиции специалиста, что, собственно, и осложняет постановку квалифицированного психологического диагноза.

Подводя краткий итог, отметим, что в нашей стране, во-первых, назрела необходимость создания центрального экспертного органа по лицензированию психологических программ, диагностических методов и методик на их применимость, и в первую очередь по кризерию социокультурного соответствия;

во-вторых, в обучении специалистов психологического профиля необходимо соотнесение общего (методологического) и частного (практического), в том числе и собственно исследовательского, подходов к реализации профессиональной деятельности.